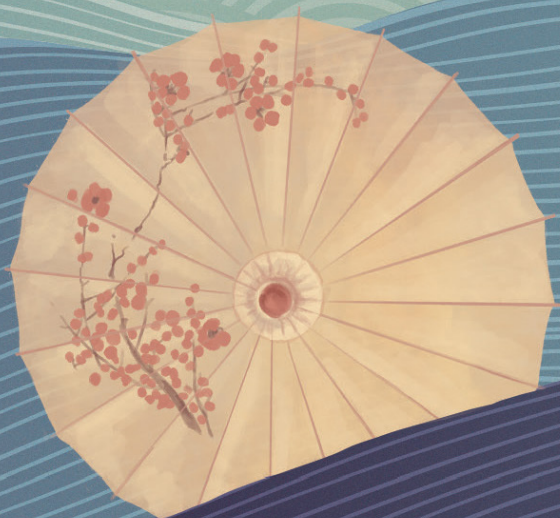

ДЖУЛИ ОЦУКА

БУДДА НА ЧЕРДАКЕ

«Нежный, тонкий, чуткий рассказ о печалях
и утешениях целого поколения женщин»

Daily Telegraph

PEN/Faulkner
Award

Prix
Femina

American
Academy of Arts
and Letters
Literary Award

Langum Prize
for American
Historical Fiction

Джулия Оцука
Будда на чердаке

Издательство "Livebook/Гаятри"

2011

УДК 82-3
ББК 84(7)

Оцука Д.

Будда на чердаке / Д. Оцука — Издательство "Livebook/Гаятри" ,
2011

ISBN 978-5-907428-95-9

Эта книга похожа на расписанный вручную свиток, изображающий историю в сценах. В кимоно, сандалиях, с длинными черными волосами и мечтами о лучшей жизни японские женщины садятся на пароход, везущий их в Сан-Франциско. Там их ждут мужья, которых женщины видели лишь один раз на фотографии. А еще – ностальгия по родине, нужда, тяжелый труд на полях или в прачечных, неустанная забота о детях, брезгливое отношение со стороны белых и депортация в лагеря интернированных на фоне начавшейся войны. Оцука рассказывает историю сразу всех женщин, используя множественное число и превращая сумму всех этих жизней в душераздирающую человеческую трагедию, символизирующую изгнание и коллективный обман. Невероятный хор рассказчиков словно бы говорит стихами, которые наполнены сильными эмоциями, жизненной правдой и мудростью.

УДК 82-3

ББК 84(7)

ISBN 978-5-907428-95-9

© Оцука Д., 2011
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2011

Содержание

Приезжайте, японки!	6
Первая ночь	13
Белые	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джули Оцука

Будда на чердаке

Посвящается Энди

*Есть между ними такие, которые оставили по себе имя для
возвещения хвалы их, – и есть такие, о которых не осталось памяти,
которые исчезли, как будто не существовали, и сделались как бы
небывшими, и дети их после них.*

КНИГА ПРЕМУДРОСТИ ИИСУСА, СЫНА СИРАХОВА 44:8

Сарай сгорел – теперь я вижу луну.

МАСАЛИДЕ

Julie Otsuka

THE BUDDHA IN THE ATTIC

*Published in arrangement with Julie Otsuka, Inc. and The Marsh Agency Ltd., acting in
conjunction with Aragi, Inc.*

Дизайн обложки Анастасии Ивановой

Использованы материалы Shutterstock

© Julie Otsuka, Inc., 2011

© Екатерина Большелапова, перевод на русский язык, 2013

© Livebook Publishing LTD, 2023

Приезжайте, японки!

Почти все мы, пересекающие океан на этом пароходе, были девственницами. У всех были черные длинные волосы и плоские широкие ступни. Все были невысокого роста. Некоторые в детстве не ели ничего, кроме риса, и поэтому ноги у них были кривоваты. Другим едва исполнилось четырнадцать, и они еще не вышли из отрочества. Иные прежде жили в городах и одевались по-городскому. Но по большей части мы были деревенские жительницы и на корабле ходили в старых кимоно, которые носили дома. Кое-кто из нас прежде жил в горах и видел море разве что на картинках. А дочери рыбаков вдоволь насмотрелись на море. У кого-то оно забрало отца, брата или жениха. Чей-то возлюбленный в одно несчастное утро прыгнул в воду и уплыл прочь. Теперь время отдаться на волю волн настало и для нас.

Первое, что мы сделали, оказавшись на пароходе, – показали друг другу фотографии своих мужей. Мы сделали это прежде, чем решили, кто из попутчиц нам нравится, а кто нет, прежде, чем сообщили друг другу, на каком острове жили и что заставило нас отправиться в путь, даже прежде, чем постарались запомнить имена друг друга. На всех без исключения фотографиях красовались молодые мужчины с темными глазами, густыми волосами и безупречно гладкой кожей. У них были волевые подбородки. Гордо посаженные головы. Прямые крепкие носы. Они были похожи на наших пропавших братьев и отцов, только лучше одеты: на них были серые сюртуки или европейские костюмы-тройки. Некоторые стояли на ухоженных зеленых лужайках рядом с уютными деревянными коттеджами, обнесенными белой изгородью. Другие непринужденно облакачивались на капот «форда» последней модели. Лишь немногих запечатлел фотограф в студии, где они сидели на неудобных стульях с жесткими высокими спинками, чинно сложив руки на коленях и смело глядя прямо в объектив, словно бросая вызов всему миру. Все без исключения мужья обещали встретить нас в Сан-Франциско, куда и должен был прибыть наш пароход.

Понравятся ли они нам? Сумеет ли мы полюбить их? Вот вопросы, которые волновали нас сильнее всего. Как мы узнаем их по фотографии, впервые увидев в порту?

Мы спали в трюме, в третьем классе, где было темно и грязно. Кроватями служили узкие металлические полки, закрепленные одна над другой, матрасы, тонкие и жесткие, были все в пятнах, оставленных людьми, которые путешествовали на этом пароходе до нас. Подушки были набиты соломой. Пол, влажный и скользкий, был усыпан крошками. Свет проникал сквозь один-единственный иллюминатор, и по вечерам, когда в трюме стужалась тьма, воздух наполнялся тревожным шепотом.

«Интересно, будет ли больно, когда это произойдет в первый раз?»

Наши тела металась и ворочались под тонкими одеялами. Море вздымалось и опадало. Влажный воздух становился все гуще. Наши мужья являлись нам во сне. Снились новые деревянные сандалии, рулоны небесно-голубого шелка и дома с каминами, где нам предстояло поселиться. Во сне мы превращались в высоких и стройных красавиц. Но иногда нам снилось, что мы работаем на рисовых полях, от которых так отчаянно хотели убежать. «Рисовые сны» были самым частым ночным кошмаром. А еще нам снились старшие сестры, превосходившие нас красотой, сестры-гейши, которых наши отцы продали в публичные дома, чтобы остальные не умерли с голоду. Тогда мы просыпались в поту и хватали ртом воздух.

На секунду я представила себя на месте сестры.

В первые дни на пароходе все страдали от морской болезни, всех тошнило, и мы то и дело перегибались через перила. У некоторых так кружилась голова, что они не могли ходить и целыми днями в оцепенении лежали на койках, не помня не только имени мужа, но и своего собственного.

«Я знаю, что теперь я миссис такая-то, но какая именно?»

Некоторые, хватаясь за животы, громко зывали к Каннон, богине милосердия.

«Где ты?»

И упрекали ее за то, что она нас оставила. А другие страдали молча, с каждым часом становясь все зеленее. Часто посреди ночи мы просыпались от толчка большой волны и несколько мгновений не могли понять, где мы, почему постели ходят ходуном, а сердца испуганно колотятся о ребра. Землетрясение! Вот первая мысль, которая приходила нам в голову. Мы протягивали руки к матерям, в объятиях которых спали до тех пор, пока не покинули родной дом. Спят ли они сейчас, наши матери? Видят ли сны? Думают ли о нас дни и ночи напролет? А может, они бредут сейчас по улицам, прогибаясь под тяжелой ношей, на три шага позади наших отцов, которые шествуют налегке? Может, втайне завидуют нам, своим дочерям, которых ожидает совсем другая участь и которым они отдали все, что имели.

Не забывают ли они проветрить наши кимоно? Накормить наших любимых кошек? Успели ли они дать нам все наставления и советы, которые считали необходимыми?

«Держи чайную чашку двумя руками, не проводи много времени на солнце и никогда не говори больше, чем нужно».

Большинство из нас получили хорошее воспитание и знали все, что должна знать образцовая жена. Мы умели готовить и шить. Подавать чай, составлять икебаны и часами неподвижно сидеть на своих широких плоских ступнях, не говоря ни слова.

«Женщина должна сливаться с окружающим пространством. Она должна существовать, не подавая никаких признаков своего существования».

Мы знали, как вести себя на похоронах, и умели писать краткие печальные стихотворения, состоящие строго из семнадцати слогов. Умели пропалывать грядки, рубить дрова, таскать ведра с водой. Тем из нас, у кого отец был мельник, доводилось проделывать долгий путь до города с тяжелым мешком за плечами, ни разу не остановившись, чтобы стереть пот со лба.

«Работать – это так же естественно, как дышать».

Почти все мы обладали безупречными манерами и были изысканно вежливы, за исключением тех минут, когда качка доводила нас до исступления и мы начинали сквернословить не хуже матросов. Но большую часть времени мы говорили так, как положено благородным девицам, – высокими тонкими голосами. Как пристало благородным девицам, мы скрывали свою осведомленность в некоторых вопросах, а прогуливаясь по палубе, передвигались мелкими семенящими шажками, развернув ступни носками внутрь. Наши матери часто повторяли нам: «Ходи так, как ходят городские! Смотри, чтобы походка не выдала в тебе деревенщину!»

Каждый вечер мы усаживались стайкой на чью-нибудь койку и обсуждали неведомую страну, где нам предстояло жить. По слухам, люди там питались одним мясом и тела их были сплошь покрыты волосами (почти все мы были буддистами, мяса не ели, а волосы оставляли лишь в тех местах, где это допустимо). Деревья там достигали громадных размеров. Поля были необозримы. Женщины позволяли себе громко разговаривать и смеяться, к тому же были невероятно высокими – по слухам, на голову выше самого высокого из наших мужчин. Их язык был в десять раз труднее нашего, обычаи и традиции поражали своей странностью. Так, книги там читали не от начала к концу, а наоборот. Когда мылись в ванне, пользовались мылом, в карманах носили куски ткани, в которые сморкались, а потом прятали в карман, чтобы снова достать с той же целью. Цветом, противоположным белому, считался вовсе не красный, а черный. Какая участь ожидает нас в этой дикой стране, с тревогой спрашивали мы. Мы с трепетом представляли себя – маленьких женщин, вооруженных лишь путеводителями, – в этом царстве гигантов. Не станут ли они потешаться над нами? Плевать на нас с высоты своего роста? Сумеем ли мы доказать, что заслуживаем серьезного отношения? Но даже самые нерешительные и боязливые из нас признавали: лучше стать женой незнакомца, обосновавшегося в Америке, чем до конца своих дней жить в деревне с мужем-фермером. Ведь в Америке женщинам не приходится работать в поле, а риса и дров там так много, что хватает на всех. И куда бы вы

ни пришли, мужчины будут пропускать вас вперед, распахивать перед вами двери и, приподнимая шляпу, любезно произносить: «Прошу!» или «Только после вас!»

Некоторые из нас прежде жили в Киото, выросли в темных комнатах в задней части дома и имели хрупкое, изящное телосложение. Другие жили в Наре, трижды в день обязательно возносили молитвы, обращенные к предкам, и уверяли, что до сих пор слышат звон храмовых колоколов. Были среди нас и дочери фермеров из Ямагути, девушки с толстыми запястьями и широкими плечами, в девять часов они всегда укладывались спать. Иные родились в маленьких горных деревушках Яманаси и лишь недавно впервые увидели поезд. Другие, напротив, появились на свет в Токио, много повидали и говорили на правильном и красивом японском языке. Они держались особняком, стараясь не смешиваться с остальными. А когда к ним обращались девушки, выросшие в Кагосиме, делали вид, что не понимают их грубого южного диалекта. Кое-кто вырос на Хоккайдо, в холодном и снежном краю, и уже начал скучать по сверкающим белым равнинам. А кто-то родился в Хиросиме, которой предстояло взлететь на воздух. Им крупно повезло, что они заблаговременно покинули родной город, хотя тогда, разумеется, никто не мог этого знать. Самой юной из нас было всего двенадцать, она родилась на восточном берегу озера Бива и еще не достигла поры полового созревания.

«Родители выдали меня замуж, чтобы получить деньги».

Самой старшей уже исполнилось тридцать семь, всю свою жизнь она прожила в Ниигате, ухаживая за больным отцом, и его недавняя смерть одновременно и опечалила, и обрадовала ее.

«Я всегда знала, что смогу выйти замуж только после его смерти».

Одна из нас была родом из Кумамото, где не осталось холостых мужчин: уже год, как все отправились в Маньчжурию в надежде найти там работу. То, что ей удалось выйти замуж, хотя бы в чужой стране, она считала крупной удачей.

«Я едва взглянула на его фотографию и сразу сказала брачному агенту: „Он мне подходит“».

Была среди нас и женщина, выросшая в Фукусиме, в деревне, где занимались прядением шелка. Первый ее муж умер от гриппа, второй ушел к другой, помоложе и покрасивее, которая жила по другую сторону холма, и теперь она плыла в Америку, чтобы выйти замуж в третий раз.

«Он здоров, не пьет и не играет в азартные игры, и этого мне вполне достаточно».

Еще одна девушка раньше жила в Нагое и зарабатывала на жизнь танцами. У нее была прозрачная белая кожа, она красиво одевалась и знала о мужчинах все, что только можно знать. Поэтому мы каждую ночь засыпали ее вопросами. Долго ли это длится? Занимаются этим при свете или в темноте? Надо ли поднимать ноги? Лучше закрыть глаза или держать их открытыми? Как поступить, если вдруг начнешь задыхаться? Или захочешь пить? Что, если он окажется слишком тяжелым? А эта... штукавина слишком большая? Как быть, если он тебя не захочет? «С мужчинами все просто», – успокаивала она. И начинала все подробно объяснять.

Иногда мы часами лежали без сна во влажной и зыбкой темноте трюма. Покачивались на своих койках, полные надежд и страхов, и думали о том, как пережить ближайшие три недели.

Наши сундуки, которые плыли на пароходе вместе с нами, были до отказа набиты вещами, необходимыми в новой жизни: это были белые шелковые кимоно для первой брачной ночи, яркие хлопчатобумажные кимоно на каждый день, унылые темные кимоно, которые мы собирались носить в старости, кисточки для письма, толстые чернильные бруски, листы тонкой рисовой бумаги, на которой мы собирались писать длинные письма домой, крошечные медные бусы, статуэтки из слоновой кости, изображавшие божество в облике лиса, старые куклы, которые делили с нами постель с тех пор, как нам исполнилось пять лет, мешочки с коричневым сахаром, пестрые стеганые одеяла, бумажные веера, английские разговорники, ароматные шелковые саше, гладкие черные камешки с берега реки, которая текла рядом с домом, прядь волос юноши, которого мы когда-то коснулись рукой, в которого были влюблены и которому

обещали писать, точно зная, что никогда не напишем, серебряные зеркальца, которые пода-рили нам матери. Их напутственные слова до сих пор звучали у нас в ушах.

«Ты все увидишь сама; женщины слабы, но на свете нет никого сильнее матерей».

На пароходе у нас было много причин для жалоб. Клопы в тюфяках. Вши. Бессонница. Беспрестанное гудение двигателя, которое проникало даже в наши сны. Мы жаловались на вонь в отхожих местах, представлявших собой огромные зияющие дыры, под которыми шумел океан, и на скверный запах, исходивший от наших собственных тел, запах, который день ото дня становился все более едким. Мы жаловались на то, что Кадзуко все время держится особняком, Тиё имеет дурную привычку без конца прочищать горло, а Фусаё без умолку напевает «Песенку сборщика чая», доводя нас до бешенства. Мы жаловались на постоянно пропадающие шпильки и пытались выяснить, кто из нас воровка. Жаловались на спесивых и надменных девиц, путешествующих первым классом, девиц, которые, разгуливая по палубе под шелковыми зонтиками, не устаивали нас даже взглядом, не говоря о приветствии.

«Что эти мымыры о себе воображают?»

Естественно, мы жаловались на жару. На холод. На колючие шерстяные одеяла. На то, что все вокруг надоели нам своими жалобами. Но в глубине души почти все были счастливы – ведь нас ожидала новая жизнь в Америке, с мужьями, которые писали нам по несколько раз в месяц. Строки этих писем мы повторяли про себя как заклинание.

«Я купил для нас замечательный дом. В саду ты сможешь разводить тюльпаны. Или нарциссы. В общем, все, что пожелаешь. У меня есть ферма. Я управляющий отелем. Я президент крупного банка. Я покинул Японию много лет назад, чтобы начать в Америке собственный бизнес, добился успеха и теперь могу обеспечить своей семье достойную жизнь. Мой рост 179 сантиметров, я не страдаю ни проказой, ни легочными заболеваниями, и в моей семье никогда не было случаев сумасшествия. Я родился в Окаяме. Или в Хёго. Или в Мияги. Или в Сидзуоке. Я вырос в деревне неподалеку от той, где выросла ты, и много лет назад видел тебя на ярмарке. Как только смогу, вышлю тебе денег на билет».

Карточки мужей мы вставляли в овальные медальоны и носили на шее, на длинных цепочках. Или хранили в шелковых ридикюлях, жестянках из-под чая и красных лаковых шка-тулках, а также в толстых коричневых конвертах, американских конвертах, в которых эти кар-точки были нам присланы. Мы прятали их в рукавах кимоно и часто прикасались к ним, про-веряя, на месте ли они. Вкладывали их между страницами книг – «Приезжайте, японки!», «Руководство для приезжающих в Америку», «Десять способов доставить мужчине удоволь-ствие» – и между страницами древних растрепанных томов, содержавших буддийские сутры. Одна из нас, христианка, которая ела мясо и молилась другому богу, мужчине с длинными волосами, хранила фотографию между страницами Библии короля Якова¹. Когда мы спросили ее, кто ей больше нравится – мужчина на фотографии или Господин Иисус Христос, она зага-дочно улыбнулась и ответила: «Конечно Он».

У многих из нас имелись секреты, которые мы собирались до конца жизни скрывать от своих мужей. Возможно, главной причиной, заставившей некоторых из нас отправиться в Америку, было желание напасть на след отца, который покинул семью много лет назад.

«Он отправился в Вайоминг, работать на угольных шахтах, и больше мы о нем не слы-шали».

Возможно, кое-кто из нас оставил дома маленькую дочь, рожденную от человека, черты которого стерлись в памяти, – то ли путешествующего сказителя, который как-то задержался на неделю в нашей деревне, то ли странствующего буддийского монаха, однажды переноче-вавшего у нас по пути на гору Фудзи. Конечно, мы знали, что наши родители позаботятся о малышке.

¹ Английский перевод Библии, изданный в 1611 году, при короле Якове I. – *Здесь и далее примеч. пер.*

«Если ты останешься здесь, в деревне, ты никогда не выйдешь замуж», – предупреждали они.

Но все же мы чувствовали вину за то, что не смогли пожертвовать ради дочери собственным счастьем. Много ночей подряд мы плакали, вспоминая о ней, но однажды утром проснулись с сухими глазами, сказали себе: «Довольно» – и стали думать о другом. О том, какое кимоно надеть, когда настанет время сойти на землю. Как причесать волосы. Что сказать ему при первой встрече. Пароход пересекал океан, прошлое осталось позади, и возврата туда не было.

Тогда мы еще не знали, что оставленная дома дочь будет сниться нам до конца жизни, и в наших снах ей всегда будет три года, столько, сколько было при расставании. Маленькая фигурка в красном кимоно, сидящая на корточках у края лужи и замороженно наблюдающая за плавающей на ее поверхности мертвой пчелой.

Каждый день на пароходе мы ели одну и ту же пищу и дышали одним и тем же затхлым воздухом. Пели одни и те же песни, смеялись над одними и теми же шутками. По утрам, если позволяла погода, мы выбирались из душного трюма, разгуливали по палубе в деревянных сандалиях и светлых летних кимоно, то и дело останавливались, чтобы полюбоваться бескрайней синевой океана. Иногда у наших ног падала выскочившая из воды рыба и начинала отчаянно биться. Тогда кто-нибудь – как правило, это были дочери рыбаков – хватал ее за жабры и бросал обратно в воду. Иногда откуда ни возьмись среди волн появлялась стая дельфинов, которые следовали за пароходом в течение нескольких часов. Однажды, в тихое безветренное утро, когда морская гладь была недвижна, как стекло, а небо сияло безоблачной синевой, в воде внезапно появился плавник кита, огромный, черный и блестящий. Не дыша, мы наблюдали, как он скрылся вдали.

«Это было все равно что заглянуть в глаза Будды».

Иногда мы стояли на палубе часами, позволяя ветру играть нашими волосами, и наблюдали за другими пассажирами. Мимо проходили увенчанные тюрбанами сикхи из Пенджаба – покинув родную страну, они перебирались в Панаму. Богатые русские, спасавшиеся от революции. Китайцы из Гонконга, которые собирались гнуть спины на хлопковых полях в Перу. Мы наблюдали за цыганским королем Ли Ивановичем и его знаменитым табором, которому принадлежало огромное ранчо в Мексике. Говорили, это был самый богатый цыганский табор в мире. На нашем пароходе путешествовала тройка загорелых до черноты немецких туристов, поразительно красивый испанский аббат и высокий румяный англичанин по имени Чарльз. Он появлялся на палубе каждый день ровно в четверть третьего и начинал стремительно прохаживаться туда-сюда. Чарльз путешествовал первым классом, у него были зеленые глаза, острый длинный нос, и он превосходно говорил по-японски. Для многих из нас он стал первым белым человеком, с которым удалось поговорить. Он был профессор, преподавал иностранные языки в университете Осаки, у него была жена-японка и ребенок, он много раз бывал в Америке и проявлял бесконечное терпение, отвечая на наши вопросы. Правда ли, что все американцы пахнут, как животные? Услышав это, Чарльз рассмеялся, спросил: «А как, по-вашему, пахну я?» – и позволил нам подойти поближе и понюхать себя. Правда ли, что тела их сплошь поросли волосами? «Они примерно такие же волосатые, как я», – заявил в ответ Чарльз, закатал рукава рубашки и продемонстрировал нам руки, покрытые густой рыжеватой порослью. Многих из нас это зрелище заставило вздрогнуть. Неужели на груди у них тоже растут волосы, спрашивали мы. Чарльз смутился и заявил, что не может показать нам свою грудь. Мы тоже смутились и поспешили заверить его, что вовсе об этом не просили. Правда ли, что дикие племена краснокожих индейцев по-прежнему странствуют по прериям? Чарльз сказал, что краснокожих индейцев давным-давно прогнали, и мы дружно с облегчением выдохнули. Правда ли, что женщины в Америке не имеют обыкновения опускаться на колени перед мужьями и прикрывать рот, когда смеются? Чарльз помолчал, глядя на горизонт, где темнел силуэт дру-

гого парохода, тяжело вздохнул и сказал: «Правда, как это ни печально». Неужели в Америке мужчины и женщины ночи напролет танцуют щека к щеке? «Только по субботам», – уточнил Чарльз. А что, этим танцам трудно обучиться? «Напротив, очень легко», – заверил Чарльз и вечером дал нам урок фокстрота на залитой лунным светом палубе.

«Сначала медленно, вот так, а теперь быстро-быстро».

Какой город больше, Сан-Франциско или Гинза? «Конечно Сан-Франциско. Даже и сравнивать смешно». Неужели дома в Америке в три раза выше, чем у нас? «Так оно и есть», – последовал ответ. И в гостиной каждого американского дома непременно стоит фортепиано? «Ну, это чересчур. Может, каждого второго». Как он считает, мы будем в Америке счастливы? Чарльз снял очки, внимательно посмотрел на нас своими умными зелеными глазами и произнес: «О да, несомненно».

Некоторые из нас не смогли устоять перед искушением и завели дружбу с матросами, которые родились в тех же деревнях, что и мы, знали все слова наших песен и все время просили нас выйти за них замуж. Мы уже были замужем и объясняли это нашим ухажерам, однако кое-кто из нас все же влюбился. И когда матросы просили о свидании наедине – сегодня вечером, в четверть одиннадцатого, на рабочей палубе, мы несколько мгновений смотрели себе под ноги, а потом вздыхали и говорили «да». Об этом мы, разумеется, тоже не собирались рассказывать своим мужьям.

«Он смотрел на меня как-то по-особенному, – говорили мы потом самим себе. – У него такая милая улыбка».

Некоторые из нас забеременели на пароходе, но еще не догадывались об этом. Когда через девять месяцев ребенок появлялся на свет, его матери казалось, что он удивительно похож на ее мужа.

«Посмотри, у него твои глаза».

Одна из нас, проведя ночь с матросом, прыгнула за борт, а на подушке оставила короткую записку:

«После него я не смогу принадлежать другому».

Другая влюбилась в миссионера, представителя методистской церкви, возвращавшегося в Америку. Он умолял ее порвать с мужем и соединить свою жизнь с ним, но она упорно отвечала отказом. «Я буду верна своей судьбе», – твердила она. Но до конца своих дней пыталась представить, как сложилась бы ее жизнь, поступи она иначе.

Некоторые из нас по природе были меланхоликами и почти все время проводили в одиночестве. Лежа на своих койках лицом вниз, мы думали о мужчинах, с которыми судьба нас разлучила. О сыне торговки фруктами, который вечно делал вид, что нас не замечает, но, если его матери не было в лавке, протягивал нам самый большой мандарин. О женатом мужчине, которого мы как-то прождали два часа поздним вечером на мосту, под проливным дождем. И ради чего? Ради поцелуя и обещания: «Завтра я приду снова». И хотя он больше никогда не появился, мы были готовы ждать его вечно, потому что только рядом с ним впервые почувствовали себя по-настоящему живыми. Часто, засыпая, мы думали о мальчике, с которым болтали каждый день по пути домой из школы, – он жил в соседней деревне и был очень красивый, несмотря на грубые крестьянские руки, привыкшие выдергивать сорняки. Матери, которые знали все, что творится у дочерей на душе, смотрели на нас как на безумных.

«Ты что, хочешь всю жизнь гнуть спину на поле?»

Этот вопрос приводил нас в замешательство. Мы уже были готовы ответить: «Да, хочу». Разве мы не мечтали с детства стать такими же, как наши матери? Разве у нас могли быть иные желания?

На пароходе нам все время приходилось выбирать. Мы должны были решить, где спать, кому доверять, с кем дружить и чью дружбу принимать. Делать ли замечание соседке, которая храпит по ночам или разговаривает во сне? Сказать ли колкость другой, которая пахнет хуже,

чем мы сами, и к тому же имеет привычку разбрасывать повсюду свои грязные тряпки? И если подруга спрашивает, идет ли ей новая прическа, скажем в стиле «домик», – а она ей совершенно не идет, потому что делает голову слишком большой, – лучше сказать правду или заверить ее, что она просто красавица? И стоит ли жаловаться на повара-китайца, который умеет готовить только одно блюдо – рис под соусом карри – и пичкает нас этим изо дня в день. Если мы пожалуемся, его, возможно, уволят и отошлют обратно в Китай, где даже риса не поешь досыта, и это будет наша вина. Да и станут ли нас слушать? Разве кому-то есть до нас дело?

Где-то на пароходе был капитан, и говорили, что каждое утро на рассвете из его каюты выскальзывала красивая молодая девушка. Конечно, всем нам до смерти хотелось узнать, была ли это пассажирка первого класса или одна из нас?

Поздно ночью мы иногда забирались на койку подруги, лежали, тесно прижавшись, и тихонько разговаривали, вспоминая родной дом. Запах жареного сладкого картофеля ранней осенью, пикники в бамбуковой роще, игры в «тени и демоны» во дворе обветшалого храма. Мы вспоминали тот день, когда отец отправился к колодцу за водой и не вернулся. С той поры мать ни разу о нем не вспоминала.

«Словно его и на свете не было, представляешь? Я еще долго заглядывала в тот колодец».

Мы обсуждали достоинства различных кремов для лица и преимущества свинцовой пудры. Обсуждали чувства, которые испытали, впервые увидев фотографию мужа.

«Он выглядел вполне порядочным человеком, и я сразу решила, что мне он подходит».

Иногда мы, неожиданно для самих себя, заговаривали о вещах, которые прежде обходили молчанием, и, начав, уже не могли остановиться. Иногда мы погружались в молчание и лежали, тесно переплетаясь телами, до самого рассвета, пока одна из нас не отстранялась и не говорила: «Стоит ли этим заниматься?» Тут нам приходилось снова делать выбор. Если мы отвечали: «Да, стоит», все повторялось вновь – если не этой ночью, то следующей или несколько ночей спустя. Шалости будут забыты, как только мы сойдем с парохода, говорили мы себе. В конце концов, это неплохая практика перед началом супружеской жизни.

Среди нас были и такие, кому мысль о близости с мужчиной внушала отвращение. Если бы существовал способ перебраться в Америку, не выходя замуж, мы непременно воспользовались бы им.

На пароходе нам не приходило в голову, что, впервые увидев своих мужей, мы не сможем их узнать. В толпе мужчин в поношенных сюртуках и вязаных шапках, ожидавших нас в порту, не было ни одного, кто хотя бы отдаленно напоминал красивого молодого человека с фотографии. Мы понятия не имели, что присланные нам снимки были сделаны двадцать лет назад. Что письма, которые мы получали, были написаны не нашими мужьями, а совсем другими людьми, профессионалами с красивым почерком, умевшими составлять красивые фразы. Чья работа состояла в том, чтобы лгать, покоряя неопытные сердца. Мы и думать не думали, что, услышав свое имя, долетевшее с берега, одна из нас в ужасе закроет глаза и шепнет: «Я хочу домой».

А остальные, склонив головы, будут разглаживать складки кимоно. Потом мы гуськом спустимся по трапу и войдем в солнечный теплый день.

«Вот она, Америка! – воскликнем мы про себя. – Все наши тревоги и волнения теперь позади».

Но это будет самообман.

Первая ночь

Этой ночью наши мужья взяли нас. Они сделали это быстро. Спокойно. Они сделали это мягко, но решительно, в полном молчании. Не сомневаясь, что мы и правда девственницы, которых обещали им брачные агенты, они взяли нас с особой осторожностью.

«Сразу скажи, если будет больно».

Они взяли нас в придорожном мотеле, где мы лежали, прижавшись спиной к голому полу. Или в центре города, во второразрядных номерах отеля «Кумамото». Или в лучшем отеле Сан-Франциско – точнее, в лучшем из тех, куда в те времена пускали цветных. В отеле «Кинокуния». Или «Микадо». А может, в «Огаве». Они взяли нас, уверенные, что мы беспрекословно выполним все их просьбы и пожелания.

«Пожалуйста, повернись лицом к стене и встань на четвереньки».

Они взяли нас прежде, чем мы успели подготовиться, и кровотечение продолжалось три дня. Они взяли нас, бесцеремонно задрав наши белые шелковые кимоно, закатав его нам на головы, и нам казалось, что мы умираем.

«Я думала, что вот-вот задохнусь».

Они взяли нас так жадно, словно томились в ожидании тысячу и одну ночь. Они взяли нас, несмотря на то что после долгого морского путешествия нас все еще мучила тошнота и земля покачивалась у нас под ногами. Они взяли нас яростно и грубо, и если мы пытались сопротивляться, пускали в ход кулаки. Даже если мы кусались, они все равно взяли нас. Даже если мы царапались и колотили их куда попало, они все равно взяли нас. Они взяли нас, даже если мы осыпали их оскорблениями.

«Твоя мать, похоже, пришила свой мизинец тебе между ног».

Взяли, хотя мы отчаянно звали на помощь (никто не откликнулся). Взяли, хотя мы упали перед ними на колени и, обливая их ноги слезами, умоляли об отсрочке.

«Неужели нельзя подождать до завтра?»

Они застали нас врасплох, потому что некоторым из нас матери не сочли нужным сообщить, что происходит по ночам между мужем и женой.

«Мне всего тринадцать лет, я никогда и рядом не стояла с чужим мужчиной».

Они взяли нас, извиняясь за свои грубые мозолистые ладони, которые сразу сказали нам, что мы имеем дело с фермерами, а не с банкирами. Они взяли нас лениво, сзади, а мы в это время смотрели в окно, на огни раскинувшегося внизу огромного города. «Теперь ты счастлива?» – спрашивали они. Они связали нам руки и заставили лечь лицом вниз, уткнувшись в потертый ковер, пахнущий мышинным пометом и плесенью. Они взяли нас неистово, на покрытых желтыми пятнами простынях. Они взяли нас просто, без всяких затруднений, потому что некоторые из нас прежде отдавались мужчине неоднократно. Они взяли нас, предварительно напившись. Они взяли нас грубо, неосторожно, не заботясь о том, что причиняют нам боль.

«Мне казалось, внутри у меня все взорвется».

Они взяли нас, хотя мы плотно сжимали ноги и твердили: «Прошу вас, не надо». Они взяли нас бережно, словно опасаясь, что мы можем разбиться.

«Ты такая маленькая».

Они взяли нас равнодушно, но со знанием дела.

«Через двадцать секунд ты перестанешь себя контролировать».

И мы догадались, что до нас у них было множество женщин. Они взяли нас, пока мы невидящим взглядом смотрели в потолок и ждали, когда эта пытка кончится. В ту первую ночь мы еще не смогли осознать, что пытка будет продолжаться годами. Они взяли нас с помощью хозяина меблированных комнат и его жены, которые не позволили нам убежать, схватив за руки и за ноги и прижимая к полу.

«Нельзя так поступать с мужчиной, милая».

Они взяли нас точно так же, как наши отцы брали матерей у себя в деревне, в маленькой хижине из одной комнаты. Взяли внезапно, без предупреждения, когда нас уже одолевал сон. Взяли при свете лампы. Взяли в непроглядной темноте, так что мы абсолютно ничего не увидели. Взяли в течение шести секунд, а потом, задыхаясь и вздрагивая, уткнулись лицом нам в плечо, в то время как мы недоумевали.

«И это все?»

Они брали в течение томительно долгого времени, обрекая на боль, которая не прекращалась несколько недель. Взяли, поставив на колени, пока мы заливались слезами, цепляясь за ножку кровати. Взяли, упершись взглядом в какое-то причудливое пятно на обоях. Взяли, без конца бормоча «спасибо» на знакомом диалекте тохоку, который помог нам расслабиться.

«Он говорит в точности как мой отец».

Они взяли нас, выкрикивая что-то на грубом хиросимском диалекте, который мы понимали с трудом, и мы догадались, что остаток жизни нам придется провести с рыбаком. Они взяли нас, стоя напротив зеркала, заставив глядеть на свое отражение. «Тебе это понравится, вот увидишь». Они взяли нас вежливо, сжимая наши запястья, и попросили воздержаться от криков и стонов. Взяли робко, с великими усилиями, словно не зная, как это делается. «Прости меня», – без конца повторяли они. «Помоги мне, прошу тебя», – умоляли они, и мы старались изо всех сил. Они взяли нас, отчаянно пыхтя. Издавая громкие стоны. Ругаясь сквозь зубы и хрюкая, словно свиньи. Взяли, думая о других женщинах, – мы догадались об этом по их отсутствующим взглядам – и разразились бранью, не обнаружив на простынях кровавых пятен. Они взяли нас так неуклюже, что в течение трех следующих лет мы не подпускали их к себе. Взяли, проявив изощренное мастерство, с которым мы не встречались прежде, и мы поняли, что они всегда будут для нас желанными. Взяли нас так умело, что мы невольно завизжали от удовольствия и тут же смущенно стиснули зубы. Взяли нас несколько раз в течение одной ночи, и, проснувшись утром, мы осознали, что отныне принадлежим им без остатка.

Белые

Мы поселились на окраинах их городов, там, где они позволяли селиться желтолицым. А позволяли далеко не везде.

«Цветным здесь не место».

Так говорили надписи и плакаты вокруг, и тогда мы отправлялись странствовать. Мы перебирались из одного рабочего лагеря в другой по раскаленной пыльной равнине – Сакраменто, Импераил, Сан-Хоакин, и бок о бок с мужем работали на земле белых людей. Собирали для них клубнику в Уотсонвилле. Виноград во Фресно и Денейре. Стоя на коленях, выкапывали для них картошку в Бекон-Айленде, в Дельте, где земля податливая и мягкая. На Голландском тракте перебирали для них зеленую фасоль. А когда сбор урожая заканчивался, мы сворачивали свои одеяла, укрепляли их на спинах, брали в руки узелки с одеждой и продолжали свои странствия.

Первым словом на языке белых людей, которое мы выучили, было слово «вода». Крикни его, учили нас мужья, если почувствуешь, что вот-вот потеряешь сознание прямо в поле. «Это слово может спасти тебе жизнь», – говорили они. Многие из нас послушались наставлений и сумели выжить, но одна – Иосико, которую вырастили кормилицы и няньки за высокими стенами особняка в Кобе и которая в жизни не видела сорняков, – поступила иначе. После первого трудового дня на ранчо Марбл она легла спать и больше не проснулась. «Я думал, она спит», – пожимал плечами ее муж. «Разрыв сердца», – пояснил хозяин. Еще одна из нас была слишком робка, чтобы громко кричать и требовать воды. Вместо этого она опустилась на колени и напилась из оросительного канала. Через семь дней она сторела от тифа. Вскоре мы выучили и другие слова. «Порядок» – так говорил хозяин, если был доволен нашей работой. «Убирайтесь!» – орал он, если мы были слишком неуклюжи и медлительны.

Нашим домом была койка в одном из рабочих бараков на ранчо в Йоло. Или палатка под раскидистым сливовым деревом в Кетлемене. Или деревянная лачуга в рабочем лагере № 7 на Барнхартском тракте неподалеку.

«А вокруг, насколько хватает глаз, тянутся грядки лука».

Домом был соломенный тюфяк в хлеву Джона Лаймана, рядом с его призовыми лошадьми и коровами. Или угол в прачечной на фабрике мясных консервов в Стоктоне. Или полка в проржавевшем товарном вагоне в Ломпоке. Домом был старый курятник в Виллоусе, где до нас жили китайцы. Или приютивший полчища блох тюфяк на складе в Диксоне. Домом была охапка сена, брошенная поверх трех ящиков, что стояли под яблоней во фруктовом саду Фреда Стадельмана. Или местечко на голом полу в заброшенном здании школы в Мэрисвилле. Или клочок земли в грушевом саду в Обурне, недалеко от большой американской реки. Каждый вечер, лежа под открытым небом, мы смотрели на американские звезды, точно такие же, как на нашей родине. Прямо над нами сияли звезда Пастуха, звезда Пряхи, звезда Дерева и звезда Воды. «Мы находимся на той же широте», – объясняли наши мужья. Наш дом всегда был там, где созрел урожай и его нужно было убирать. Там, где были наши мужья. Рядом с мужчиной, который в течение многих лет выпалывал сорняки на чужих полях.

Поначалу многое в белых людях вызывало у нас любопытство. Почему они забираются на лошадь с левой стороны, а не с правой? Почему все время кричат? Как они различают друг друга, ведь они так похожи? Зачем вешают на стены своих домов тарелки, а не картины? Зачем запирают двери на замок? Неужели они и правда ходят дома в обуви? О чем говорят между собой вечерами, перед тем как лечь спать? О чем мечтают? Каким богам молятся? И сколько их, этих богов? Неужели им действительно кажется, что на луне виден силуэт человека, а не кролика? Неужели они правда едят на похоронах жареную говядину? И каждый день пьют

коровье молоко? Откуда этот странный запах, который постоянно от них исходит? «Они пахнут сливочным маслом», – объясняли наши мужья.

Держитесь от белых людей подальше, предупреждали нас. Если надо подойти к ним ближе, делайте это с великой осторожностью. Не всегда верьте тому, что они вам говорят, но учитесь наблюдать за ними: за их руками, глазами, уголками губ, за тем, как внезапно изменяется цвет их кожи. И вскоре вы сможете читать по их лицам, как по книге. При этом не вздумайте глазеть на них. Они не должны замечать, что вы за ними наблюдаете. Со временем вы привыкнете к тому, что они такие огромные. Всегда ожидайте от них худшего, но не удивляйтесь и неожиданной доброте. Иногда они на это способны. Помните, что ваше присутствие не должно им мешать. Будьте скромными. Будьте вежливыми. Делайте вид, что думаете только об одном: как им услужить. Если вас о чем-то спросят, отвечайте только: «Да, сэр» или «Нет, сэр» – и беспрекословно выполняйте то, что прикажут. А еще лучше – не говорите ничего. Теперь вы стали частью невидимого мира.

Их плуги весили больше, чем мы сами, и работать с ними было невероятно тяжело. Их лошади были в два раза больше тех, что остались у нас дома, в Японии. Чтобы их запрячь, нам приходилось взбираться на табуретку или ящик из-под апельсинов. Первое время лошади не желали нас слушаться и, несмотря на наши окрики, не двигались с места, только презрительно фыркали и били копытами. Может, они глухие, недоумевали мы. Или просто тупые? Или ужасно упрямые? «Это американские лошади», – объясняли наши мужья. И нам пришлось выучить несколько слов на лошадином английском. Если мы хотели, чтобы лошадь тронулась с места, мы говорили: «Пошел!» Если хотели, чтобы лошадь подалась назад, говорили: «Назад». «Помедленней», – говорили мы, и лошадь послушно замедляла ход. А если мы говорили: «Тпру!» – она останавливалась. Некоторые из нас, прожив в Америке пятьдесят лет, по-прежнему знали только эти слова.

Несколько фраз на их языке мы выучили еще на пароходе, выудив их из разговорников. «Привет», «Извините», «Пожалуйста, выдайте мне мою зарплату». Их алфавит мы тоже выучили наизусть. Но в Америке наши знания оказались бесполезными. Мы не могли читать газеты и журналы. Мы с недоумением смотрели на плакаты и таблички.

«Все, что я помню: фраза начиналась с буквы E».

А когда хозяин говорил с нами, мы разбирали слова, но не могли понять их смысл. В тех редких случаях, когда нам приходилось объясняться на их языке, они изумленно смотрели на нас, пожимали плечами и уходили прочь.

«Не позволяйте им запугать вас. Будьте терпеливы. Сохраняйте спокойствие. Молчите, а разговаривать предоставьте нам».

Так учили нас мужья. Они-то умели говорить по-английски. Разбирались в здешних обычаях. И если нам нужно было купить нижнее белье, наши мужья, проглотив свою гордость, шли по раскаленным полям в ближайший город и на своем беглом, хотя и с сильным акцентом, английском объяснялись с продавцом. «Ай нид пантс, – говорили они. – Нот фор ми». А когда на очередном ранчо хозяин, окинув нас взглядом, говорил: «Она слишком слабая», наши мужья убеждали его в обратном. «На поле моя жена работает не хуже мужчин», – говорили они, хотя это было не так. Когда мы болели малярией и лежали на полу, не в силах поднять голову, наши мужья описывали хозяину симптомы болезни. «Сначала у нее был жар, потом ее трясло, теперь у нее снова жар». И хозяин обещал съездить в город и привезти нам лекарство. «О деньгах не беспокойся», – говорил он, и наши мужья горячо его благодарили. И хотя от этого лекарства моча у нас становилась красной, через несколько дней мы начинали поправляться.

Некоторые из нас работали быстро, чтобы произвести на белых людей впечатление. Другие работали быстро, чтобы показать им, что мы способны собирать сливы, выдергивать свеклу, складывать лук в мешки и ягоды в корзины наравне с мужчинами и даже лучше. Некоторые работали быстро, потому что все детство гнули спины на рисовых полях и привыкли.

Другие работали быстро, потому что мужья грозили отослать их домой ближайшим пароходом, если они будут лениться.

«Я говорил агенту, что мне нужна работающая и сильная жена».

Некоторые из нас выросли в городах и работали медленно, потому что никогда не держали в руках мотыгу. «Это самая легкая работа, которую только можно найти в Америке», – говорили нам. Некоторые из нас всю жизнь были слабыми и болезненными, но, проработав неделю в лимонной роще в Риверсайде, становились сильнее вола. Одна из нас потеряла сознание, едва прополов первую грядку. Некоторые во время работы плакали. Другие ругались сквозь зубы. Все мы изнывали от боли – наши покрытые ссадинами руки кровоточили, колени горели, спины ныли, и мучениям не было конца. Одна из нас залюбовалась красивым индусом, срезавшим спаржу на соседней грядке, и представила, как разматывает белый тюрбан, покрывавший его темноволосую голову.

«Всю ночь мне снился Гюпта-сан».

Некоторые из нас во время работы пели буддийские сутры, и часы проносились быстро, как минуты. Одна из нас – Акико, которая ходила в Токио в миссионерскую школу, – знала английский и каждый вечер вслух читала своему мужу Библию, пела: «Душа моя, душа моя, восстань, что спишь». Многие из нас пели те самые песни, которые пели во время сбора урожая дома, и пытались представить, что вернулись в Японию. Если бы в письмах наши мужья не лгали, все было бы иначе. Если бы мы знали, что выходим замуж не за торговцев шелком, а за сборщиков фруктов, что жить нам предстоит не в просторном доме, а в сарае или палатке, под открытым небом, солнцем и звездами, мы никогда не приехали бы в Америку. И нам не пришлось бы делать за спесивых американцев работу, которую они считали ниже своего достоинства.

Белые люди ценили нас за сильные спины и проворные руки. За выносливость. За дисциплину. За покорность и исполнительность. За невероятную способность переносить жару, которая в летние дни на дынных плантациях Броули доходила до 120 градусов по Фаренгейту². Они утверждали, что благодаря низкому росту мы идеально подходим для таких работ, когда нужно сгибаться в три погибели. Куда бы нас ни поместили на ночлег, мы были счастливы. Мы обладали всеми добродетелями китайцев – трудолюбием, терпением, неизменной вежливостью – и при этом не играли в азартные игры, не курили опиум, никогда не шумели, не плевали себе под ноги. Мы работали быстрее филиппинцев и выгодно отличались от индусов отсутствием надменности. Мы были более дисциплинированы, чем корейцы. В отличие от мексиканцев мы не употребляли спиртного. В пище мы были более нетребовательны, чем оки и арки³, как белые, так и цветные.

«Японцам достаточно ложки риса в день».

Мы были наилучшим видом рабочей скотины, с которой белым людям приходилось иметь дело.

«Эти ребята будут надрывать, даже если за ними вообще не приглядывать».

Днем мы работали в их фруктовых садах и на полях, но каждую ночь, уснув, возвращались домой. Иногда нам снилось, что мы у себя в деревне, бежим по улице, катя перед собой металлический обруч раздвоенной деревянной палочкой. Иногда нам снилось, что мы играем в прятки в зарослях тростника у реки. Порой воды этой реки кое-что приносили нам. Красную шелковую ленту, потерянную много лет назад. Стеклообразное голубое яйцо, покрытое крапинками. Мамину деревянную подушку. Черепаху, которая уползла неизвестно куда, когда нам было четыре года. Иногда во сне мы стояли у зеркала вместе со старшей сестрой Аи, чье имя означает «печаль» или «утрата», в зависимости от того, как его написать, и она заплетала

² Около 49 градусов по Цельсию.

³ Жители Оклахомы и Арканзаса, рабочие-мигранты.

нам косы. «Не крути головой!» – говорила она. Все было так, как и должно было быть. Но, проснувшись, мы обнаруживали, что лежим рядом с чужим мужчиной, в чужой стране, в душном сарае, и в воздухе повисли людские вздохи и стоны. Иногда мужчина, лежавший рядом с нами, во сне нащупывал нас своей грубой мозолистой рукой, и мы делали над собой усилие, чтобы не отстраниться.

«Через десять лет он будет стариком».

Иногда в тусклую предрассветную пору он открывал глаза, видел, что мы грустим, и обещал, что скоро все изменится к лучшему. И хотя всего несколько часов назад, когда в темноте он в очередной раз навалился на нас своим потным телом, мы шептались: «Я тебя ненавижу», сейчас мы верили его обещаниям. Ведь, кроме него, у нас никого не было. Иногда он смотрел сквозь нас, словно не замечая, и это было самое худшее.

«Никак не могу понять, жива я еще или уже нет?»

Всю неделю белые люди заставляли нас истекать потом на своих полях, но по воскресеньям давали нам отдых. Наши мужья отправлялись в ближайший город, где играли в «фан-тан» в китайском казино, неизменно проигрывая. А мы усаживались в тени деревьев, вооружившись чернильными палочками и кистями, и на тонких листах рисовой бумаги писали длинные письма своим матерям, которых обещали никогда не забывать.

«Мы в Америке, пропалываем поля человека, которого все называют Босс. Здесь нет ни шелковичных деревьев, ни бамбуковых рощ, ни статуй Дзидзо у дороги. Дождь идет редко, холмы коричневые, и лес на них не растет. Горы далеко. По вечерам мы зажигаем масляную лампу, а раз в неделю, по воскресеньям, стираем одежду на камнях у реки. Мой муж совсем не похож на мужчину с фотографии. Таким, как на фотографии, он был много лет назад. На фотографии – самый красивый из его друзей. Мой муж – пьяница. Мой муж работает менеджером в клубе „Ямато“, и его тело сплошь покрыто татуировками. Мой муж намного ниже ростом, чем сообщал в письмах. Но ведь и я тоже прибавила себе роста. Во время Русско-японской войны мой муж был ранен и награжден орденом Золотого змея шестой степени; он до сих пор заметно прихрамывает. Мой муж переправился в Америку нелегально, через мексиканскую границу. Мой муж пробрался на пароход без билета, он спрыгнул в воду в порту Сан-Франциско за день до великого землетрясения 1906 года, этот кошмар снится ему каждую ночь. Мой муж меня обожает. Мой муж никогда меня не бросит. Мой муж очень добрый; когда я не справляюсь с работой, он помогает мне, чтобы хозяин не прогнал меня прочь».

Втайне все мы надеялись на перемену участи. Возможно, кое-кто из нас познакомился на пароходе с уроженцем своего родного острова, который помнил те же самые горы и ручьи, что помнили мы. Возможно, кто-то из нас влюбился в него и теперь никак не мог выбросить из головы. Мы вспоминали о наших встречах на палубе, о том, как он без конца повторял, что в жизни не встречал такой красивой и умной женщины. Такой необыкновенной женщины. «Никто не может с тобой сравниться», – говорил он. Еще он говорил: «Подожди. Я пришлю за тобой, как только смогу». Возможно, он был подрядчиком в Кортесе или президентом экспортно-импортной компании в Сан-Хосе. Каждый день, склоняясь над выжженной солнцем черной землей, мы молились о том, чтобы письмо от него наконец пришло. Но оно не приходило. Иногда поздно вечером, готовясь ко сну, мы вдруг заливались слезами, и наши мужья смотрели на нас с недоумением и тревогой. «Я чем-то тебя обидел?» – спрашивали они, а мы в ответ отчаянно трясли головой. Но если письмо от мужчины с парохода все же приходило («Я послал деньги твоему мужу и буду ждать тебя в отеле „Тайсэ“»), мы сознавались во всем. И наши мужья, нанеся нам множество ударов ремнем и назвав множество незаслуженных оскорбительных имен, в конце концов отпускали нас. Потому что сумма, которую прислал человек с парохода, в несколько раз превышала затраты на наш переезд из Японии. «Что ж, пусть хотя бы один из нас будет счастлив», – говорили наши мужья. «Ничто в этом мире не

длится вечно», – вздыхали они. «Стоило мне посмотреть тебе в глаза, и я сразу понял, что ты шлюха», – бросали они на прощание.

Однажды, когда мы работали на поле, босс подошел к нам сзади и что-то прошептал на ухо. И хотя мы не разобрали ни слова, сразу догадались, что ему нужно. «Я не горорит ангриски», – ответим мы. А может, просто скажем: «Простите, нет». В другой раз к нам подошел хорошо одетый японец, неизвестно откуда взявшийся, и предложил поехать с ним в большой город.

«Если ты будешь работать на меня, получишь в десять раз больше, чем горбатаясь на этом поле».

Однажды один из женатых друзей мужа приблизился к нам, когда мужа не было рядом, и протянул нам пятидолларовую купюру. «Позволь мне вставить тебе хотя бы разок, – умолял он. – Обещаю, больше я к тебе не подойду». Возможно, мы уступили ему и ответили согласием. «Встретимся в девять, за сараем», – сказали мы. А может, мы сказали: «Я исполню твое желание, если дашь мне еще пять долларов». Возможно, мы были несчастны с мужем, который отправился в город пьянствовать и играть в карты и вернется лишь поздно вечером. Или нам срочно нужны были деньги, чтобы послать их домой родным, потому что весь урожай риса в очередной раз уничтожило наводнение.

«Мы все потеряли и питаемся древесной корой и вареным бататом».

Даже тем из нас, кто не отличался красотой, тайком предлагали подарки, украденные с прилавков городских магазинов, где каждая вещь стоит десять центов: черепаховые шпильки, флакончики духов, журнал «Модерн скрин». Если мы принимали подарок, не дав взамен того, что от нас хотели, платить приходилось другим способом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.